

РЕЦЕНЗИИ

Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала / отв. ред. Т. Н. Дмитриева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 260 с. ; ил. (Труды топонимической экспедиции).

Александр Константинович Матвеев был уникальной фигурой в отечественной филологической науке. Работая в Екатеринбурге, занимаясь исследованием русской топонимии, он стал крупнейшим специалистом по финно-угорским языкам и ономастике, и сделанное им в этой области, безусловно, превосходит совокупные результаты иных институтов. Так получилось, что главные книги Александра Константиновича [Матвеев, 2001; 2004; 2007] вышли в свет в последние годы его жизни, а рецензируемое издание — уже посмертно. Думается, однако, в этом нет повода для грусти: эти книги — действительно итог большой и благородной жизни великого ученого. Абсолютно прав был Евгений Арнольдович Хелимский, когда оценивал значение «Субстратной топонимии Русского Севера» как лучшее из сделанного в мировой уралистике за последние десятилетия прошлого — начало XXI в.

А. К. Матвеев посвятил свое научное служение в значительной мере делу фиксации и реконструкции данных уходящих и ушедших (в том числе — и очень давно ушедших) уральских языков, в первую очередь, конечно же, — субстратных языков Русского Севера. Кроме того, следует отметить его, может быть, не столь многочисленные, но, как всегда, блестящие работы по мерянской субстратной топонимии (на мой взгляд — лучшее из написанного по мерянской проблематике в принципе). Наверное, не случайно, что именно его экспедиции посчастливилось обнаружить в 60-х гг. прошлого века последних носителей камасинского языка. В этом ряду, безусловно, стоят и работы А. К. Матвеева по обско-угорской топонимии Урала и Западной Сибири. Хотя обско-угорские языки пока сохраняются и, даст Бог, будут звучать еще долго, следует иметь в виду, что сегодняшние хантыйский и мансийский — это, по сути дела, малые осколки еще каких-нибудь двести лет назад гораздо более широко распространенных и представленных гораздо более разнообразным диалектным спектром языков. В рецензируемой работе также фиксируется уже ушедший пласт данных, она посвящена мансийской (верхнелозьвинских и верхнесосьвинских манси, говорящих на соответствующих диалектах северного наречия мансийского языка) топонимии горной части Северного Урала — района былых касладей нескольких мансийских оленеводческих групп на стыке Свердловской области, Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа и Республики Коми. Как отмечает автор, в настоящее время в связи с сокращением поголовья оленей каслания манси по описываемым в книге территориям

прекратились, и, следовательно, богатейший корпус мансийской топонимии практически исчез из живого бытования.

В предисловии (с. 4–9) кратко излагается история работ созданной и возглавлявшейся А. К. Матвеевым Топонимической экспедиции Уральского университета по сбору в 1968–1971, 1977–1978 гг. и последующей публикации мансийской топонимии горной части Северного Урала. Автор с благодарностью называет имена сотрудников экспедиции и мансийских информантов, отмечает встреченные в работе трудности и степень ее завершенности. Сразу хочется отметить обычную для А. К. Матвеева и, к сожалению, исключительную для топонимических исследований добросовестность и трудолюбие: материал собран в поле, в живом его бытовании, собиратели прошли описываемые места вместе со своими информантами, скрупулезно фиксируя как сами топонимы, так и свои впечатления и мнения носителей традиции. Это позволяет сделать массу выводов, которые были бы просто немислимы при обычном «кабинетном» отношении к топонимической работе. Методика полевого топонимического исследования — важнейшая часть научного наследия А. К. Матвеева, хранимая и развиваемая его учениками.

В предисловии же обосновывается и структура книги, которая (помимо вводной части и научного аппарата) состоит из четырех основных частей: «Материалы по мансийской топонимии. I» — словарь мансийских топонимов, собранных в 1968–1971 гг., который был опубликован ранее [Матвеев, Глинских, 1975]; «Дополнения к материалам по мансийской топонимии. I», куда вошли частично оставшиеся неопубликованными материалы 1968–1971 гг. по топонимии левобережья Лозьвы и дополнения и поправки к «Материалам... I» (эти весьма важные дополнения во многом обязаны появлению тезауруса мансийского языка Берната Мункачи, изданного Белой Кальманом [Munkácsi, Kálmán]); «Материалы по мансийской топонимии. II» — словарь названий, собранных в 1977–1978 гг.; завершает книгу очерк «Мансийская топонимия как лингвистический и историко-этнографический феномен». С точки зрения удобства чтения редактору можно было бы, вероятно, объединить хотя бы две первые части («Материалы... I» и «Дополнения» к ним), вводя текст «Дополнений» каким-нибудь знаком (хотя бы тем же ●, которым маркированы взаимосвязанные статьи в «Материалах» и «Дополнениях»). Ничто не мешало, впрочем, объединить и все три части словаря, аналогичным образом маркировав словарные статьи. При выбранном же порядке публикации приходится постоянно отыскивать дополнения к соответствующим статьям «Материалов... I» и наоборот; особенно сложно найти названия, к которым имеется ссылка в тексте «Материалов... II» — они могут оказаться в любой из трех частей словаря! Все это достаточно затрудняет работу с книгой. Важным и очень полезным дополнением к книге могла бы стать и карта описываемого района.

В лингвистической подаче материала автор использует мансийскую кириллицу — поскольку речь идет о диалектах, принадлежащих северному наречию, лежащему в основе мансийского письменного языка. Такой подход безусловно расширяет круг читателей книги и способствует распространению мансийской письменности, не вызывая при этом никаких трудностей филологического плана. При этом автор совершенно справедливо, на мой взгляд, отказывается от использования графемы *щ*, обозначая звук *š* через мягкую *с* (*сь, си, сю* и т. д.). Лингвистический материал, относящийся к другим мансийским диалектам и другим финно-угорским языкам дается в основном в финно-угорской латинографической транскрипции.

Словарь мансийской топонимии содержит мансийские названия, зафиксированные Топонимической экспедицией с указанием картографических соответствий, переводом, комментариями автора и информантов. Такая подробная подача материала позволяет раскрыть большинство названий, без объяснения остаются практически единицы. В целом словарь составлен исключительно аккуратно и не вызывает почти никаких замечаний. Иногда, по-видимому, бывают пропущены знаки долготы, например, *Ахвтасың сѳс тыт ур* (с. 31) вместо *Ахвтасың сѳс тыт ур*, *Я вѳт сяквур* вместо *Я вѳт сяквур* (с. 86), ср. также *мѳньсипал*, *саранпал* (с. 104, 106) и *Мѳньси пѳл*, *Саран пѳл* (с. 246), — но таких примеров немного.

Переводы мансийских названий даются в максимально близкой к смыслу оригинала форме. В связи с этим, возможно, имело бы смысл широко представленные в мансийском причастные конструкции передавать аналогичными русскими, т. е. переводить, например, *Амп пату́м кѳрас* не «Скала, с которой упала собака» (с. 30), а «Скала упавшей собаки» / «Скала падения собаки» или *Вѳт тѳртан сяхл* — не «Гора, с которой дует ветер», а «Гора, пускающая ветер» и т. д. (с. 33). Это позволило бы передать своеобразный стиль мансийской речи для читателей, не знакомых с мансийским языком. Однако во многих случаях использование русских придаточных оборотов было бы неизбежно, и, возможно, автор обоснованно принес формальную точность перевода в жертву его ясности и единообразию.

Более интересные уточнения можно сделать по поводу проблемы перевода мансийских форм двойственного числа (и, соответственно, понимания функции формы двойственного числа в мансийском). Кажется, пойдя по пути простого перевода любой такой формы как «два ...», автор допускает неточность. В соответствии с общим свойством уральских языков при числительных обычно употребляется форма единственного числа, как в *Кит тумп* «Две горы», что означает, собственно, именно две горы, а не двойную гору (с. 37), *Кит вѳльтуп сяхл* «Гора с двумя лицами» (с. 100), *Кит овра ѳ* «Две реки с крутыми берегами» (с. 100). Последнее название, правда, имеет также явно плеонастический вариант *Кит Сисуп овра ѳыг* (с. 100) — без комментария трудно понять причины его возникновения. В случае же употребления двойственного числа речь идет не просто о двух предметах, а о паре (и числительное здесь в норме, видимо, не ставится и не требуется). Так, в случае *Вѳгыр витуп ѳыг / Вѳгыр витупаг* «Две реки с красной водой», где реки имеют общее устье (с. 34), перевод должен быть, скорее, «Пара рек...» или даже «Парная река...».

Эти особенности перевода мансийского двойственного числа могут иметь принципиальное значение, что хорошо иллюстрируется примером из рецензируемой книги: *Ўиг алсыг* — название горы, где стоят два больших камня, напоминающих зверей, при рус. *Медвежий камень* (с. 78) и варианте *Ўиг алсыг нурхатам сяхл* «Гора, где погрызлись медведь с лосем» (с. 124). При первом названии в книге только даны слова информанта «двух зверей добыли», которые, естественно, не являются переводом топонима, а при втором, после перевода, данного информантами, стоит странный комментарий: «однако форма *Ўиг* означает просто “два зверя” или “два лося”». Здесь имеет место явное непонимание. Во-первых, мансийское *Ўй* ‘зверь’ может иносказательно (или, скорее, эллиптически) обозначать равным образом как лося, так и медведя (а иногда и других животных) [Munkácsi, Kálmán, 688–690] (см. также с. 240). Во-вторых, перевод мансийского двойственного числа русским «два ...», как видим, вообще не всегда удачен.

В-третьих, наконец, в данном случае перед нами типичная мансийская конструкция «двойного двойственного», строго обозначающего пару. Ср., например, зачин в мифах о сотворении мира: *tunrā-saxl ēkwäiγ ǰjkäiγ ǰleiγ* «на тундровой кочке (вершине) старуха и старик живут» («старуха-Dual старик-Dual жить-PraesDual») [VNGy, I, 1], то же самое в топониме *Экваг бйкаг кѣрас* «Скала старухи со стариком» и т. п. (с. 211). Соответственно, название *Ўиг алсыг* следует переводить «Медведь (букв. “зверь”) с лосем» / «Медведь (букв. “зверь”) и лось» — т. е. именно так, как предлагал информант.

Еще один интересный случай, который, однако, не столь очевиден: гора *Нѣлс(а)мас* «Ноздри» / *Сустахтын нѣлсамасыг* «Ноздри, где делят оленей», где между скалами «есть проходы, напоминающие ноздри» (с. 50, 109). Здесь замечателен комментарий информанта Н. В. Анямова: «если *Нѣлсмас*, то это просто “ноздри”, а *Сустахтын нѣлсамасыг* — оленедельный две каменный сопки, не один, а две рядом» (с. 109), — если гора названа просто по сходству с ноздрей (ноздрями), такой комментарий кажется не совсем понятным. Дело в том, что внутренняя форма слова *Нѣлс(а)мас* раскрывается как *ñol* ‘нос; острие, верхушка, отрог (горы)’ + *sām* ‘угол, край, конец’ (ср. манс. сев. *ñol-sām* ‘крыло носа’, *śakw-sām* ‘сосок груди’, ср.-лозвь. *päl’-sām* ‘мочка уха’, тавд. *tul’ä-šēm* ‘кончик пальца’) + *as* ‘дыра’ [Munkácsi, Kálmán, 365, 524] и оно, соответственно, может быть понято как «Ноздри» (букв. «Дыра крыла носа») и как «Дыра края отрога» («Дыра на вершине»). Слово *ñolsāmas* ‘ноздри’, как и подобные обозначения парных частей тела, в уральских языках двойственного числа не требует, а вот в названии горы с парой скал, образующими дыру, сквозь которую прогоняют оленей, — естественным образом используется двойственное число. Следовательно, *Сустахтын нѣлсамасыг* можно рассматривать как эллиптическое название, которое переводится как «Пара (скал) на конце (в углу) отрога / парный конец отрога с отверстием, где делят оленей» — и тогда становится понятен комментарий Н. В. Анямова, который таким образом пытался отделить слово «ноздри» от описательного значения оронима. Замечу, что сделанные здесь замечания оказываются возможны только благодаря скрупулезной точности в фиксации материала, исключительному качеству рассматриваемой публикации.

Большинство топонимов словаря этимологизируются из мансийского языка, что понятно: присутствие других этнических групп на рассматриваемой территории было в последние века, видимо, минимальным. Ряд названий объясняется при привлечении специфической лексики или форм наречий мансийского языка — тавдинского (южно-го): *Ёлым сѳс* (с. 34, 97), *Исирум* (с. 35, 97), *Усь пӓль сяквур* (79, 125), *Ялтынусь я* (с. 87, 130) и кондинского (восточного): *Лялянк я* (с. 44, 104), *Толмас яңкылм* (с. 74, 121), *Тумп яңк* (с. 77, 123). Список можно пополнить: при топониме *Сопр эква вѳль* автор отмечает, что для информантов слово *Сопр* обозначало ведьму, нечистую силу без конкретизации и упоминает, что в словаре А. Каннисто это слово трактуется как название какого-то народа (с. 239). Непонятно, почему при этом не привлекается словарь Мункачи — Кальмана, где четко указано манс. тавд. *sâpër* ‘русский’ [Munkácsi, Kálmán, 561] (возможно, от рус. *Сибирь?*), — здесь перед нами, вероятно, деэтимологизированное и переосмысленное слово, происходящее, как и некоторые другие топонимы данной территории, из южномансийского диалекта.

Интерпретируя эти наблюдения, в одном случае автор предполагает субстратное происхождение такого названия («унаследовано от предшественников, говоривших на другом диалекте» (с. 97)), в другом — считает, что использованное в названии слово

«проникло в этот <верхнелозьвинский> диалект в результате внутримансийской интерференции» (с. 125). Думается, вторая — более общая и осторожная — интерпретация вполне приемлема, хотя приводимые факты в пользу переселения северных манси (с освоением ими оленеводства) на юг и вытеснения (ассимиляции) ими южномансийских групп на рассматриваемой территории (с. 252) также нельзя оставить без внимания.

Единичные топонимы могут, по мнению автора, объясняться как хантыйские, но всякий раз можно предложить альтернативные этимологии. Так, название р. *Ики нурум я* — «Река, где грыз (грызли) *Ики*», где *Ики* (воспринимающееся информантами как личное имя, либо в значении ‘черт’, либо ‘какой-то зверь’) может отражать хант. *iki* ‘старик’ в его распространенном значении ‘дух’ (с. 35, 97). Однако, отсутствие других топонимических следов хантыйского присутствия в горах Северного Урала заставляет скептически отнестись к этой этимологии. Возможно, речь действительно идет о забытом личном имени — ср. *Ики тумп*, которое информанты объясняют именно как «Остров, где жил человек по имени *Ики*» (с. 143)? Есть и еще возможность: ср. манс. ср.-лозьев. *ākē* ~ *ākē*, н.-лозьев., пел. *āk* (при манс. сев. *āki*) ‘дядя (младший брат отца или старший брат матери); старший брат супруга; старик, дед’, которое могло эвфемистически обозначать и медведя (зафиксировано манс. пел. *ākēt-āk* ‘медведь (в речи женщин)’ [Munkácsi, Kálmán, 27]. На первоначальный фонетический облик оронима с *ä*-может указывать русская (картографическая) форма *Эки-нурым-я*. Манс. сев. *āki* ‘дядя, дед’ встречается в топонимах (с. 134–135).

Аналогичным образом, едва ли к хант. каз. *пэуэр* и др. ‘кедровая шишка’ восходит название притока р. Лопсия *Нохор* (с. 167). Во-первых, хантыйское слово заимствовано в северный диалект мансийского: *на́уэр* ‘кедровая шишка’ [Там же, 1986, 339], следовательно, необязательно предполагать хантыйское присутствие для возникновения данного гидронима. Во-вторых, собственно манс. ср.-лозьев., н.-лозьев., пел. *nēr*, тавд. *nār* ‘кедровая шишка’ [Там же, 343] восходит к тому же корню, и, вероятно, еще пятьсот-шестьсот лет назад могло звучать как **nēγār* (ср. рус. *вогул*, коми *вогыль* ‘манси’ связанные, видимо, с названием реки *Вагиль*, сохраняющие манс. **VγV* при современном манс. сев. *vōl’-jā*, ср.-лозьев., пел. *vuol’-jā* ‘*Вагиль*’, букв. ‘река с плесами’ (< **wōγəl’-jā*) ~ хант. каз. *вõхал* и др. ‘вогул’). А. К. Матвеев, впрочем, не преувеличивает значимость возможных хантыйских параллелей, справедливо полагая, что «для серьезного обсуждения фактов, однако, пока недостаточно» (с. 249).

В ряде случаев анализируемые названия имеют очевидное или возможное пермское (коми) происхождение (например, *Линьва* — если изначально гидроним на *-ва* (с. 40), *Лоп я* (с. 41) ← коми *Lōn ю* «Река с заносами», и некоторые другие — см. также ниже), что отражает пограничность описываемой территории (показательны не раз встречающиеся в топонимах названия востока, восточной стороны Урала, *мāньсипāl* букв. ‘мансийская сторона’ — и запада, западной стороны, *саранпāl* ‘зырянская сторона’ — см., например, с. 104, 106, подробнее об этом на с. 246). Пермский материал в словаре не слишком велик, но местами весьма интересен. В одном случае очевидна первичность мансийского присутствия по отношению к пермскому: правый приток Лозьвы *Люль я* «Плохая река» при картографическом *Люльва* — коми полукалька с мансийского, где *-ва* — типичный пермский гидроформант (коми *ва* ‘вода’, в коми-пермяцком также ‘река’), а первая часть просто заимствована из мансийского. С другой стороны, есть и

обратный пример: в басс. Няйса р. *Кань ййв* / *Кань я̄* — в первом случае, скорее всего, мансийская адаптация коми гидронима *Кань ю* «Кошачья река» (*ю* по народной этимологии превращено в манс. *ййв* ‘дерево’), во втором — полукалька, аналогичная *Люльва* (с. 146), но с коми в мансийский; при этом коми происхождение и перевод гидронима известны самим информантам (о пермском происхождении ряда названий на западных склонах Урала см. ниже).

Таким образом, знакомство местных манси с коми языком и топонимией явствует из фактов, приводимых в книге, и должно приниматься во внимание. Например, к названию *Касум ур*, гора у устья р. Вижай, «Желтая гора», информантами даются также переводы «Зеленая гора», «Синяя гора» (с. 35). Ясно, что размытость значений в обозначении синего, зеленого и желтого цвета — довольно распространенное, в том числе и в уральских языках, явление, однако манс. *kas(ə)m* действительно означает, по-видимому, только ‘желтый’, даже в названиях двух птиц это слово обозначает либо рыже-бурый (ронжа или кукушка, *Perisoreus infaustus* L.), либо ярко-желтый (щегол) цвет перьев [Munkácsi, Kálmán, 198]. Не исключено поэтому, что странный разнобой в переводах объясняется тем, что здесь имеется параллельное название на языке коми — ср. гидроним *Вижай*, где *виж* ‘желтый’ является вариантом того же корня, что и *веж* ‘зеленый’ < праперм. **vęž* [КЭСК, 49]. Само же коми название при этом представляет собой общепермский реликтовый тип — ср. распространенный удмуртский гидроним *Вожой*, где *вож* ‘зеленый’ от того же пермского корня, а *-oj* ~ коми *-aj*, видимо, отражает пермское соответствие фин. *oja* ‘ручей, протока’.

Еще одна группа топонимов пермского происхождения позволяет, как это нередко бывает, обнаружить в заимствованной (мансийской в нашем случае) системе весьма интересные реликты, не сохранившиеся в системе-доноре (пермской). Речь идет о названии двух скал *Контыр* / *Кунтыр*, одна из которых напоминает сидящего медведя, в связи с чем автор и привлекает удм. *гондыр* ‘медведь’ ~ коми *гундыр* ‘дракон, змей’ (с. 37; упомянутое там же со ссылкой на [КЭСК] фин. *kontio* ‘медведь’ с пермским названием «медведя / дракона» связано лишь случайным сходством и к делу, конечно, не относится); относительно второй есть комментарий информанта: «Был человек, не менгкв, по имени *Кунтыр*» (с. 101). Второй случай — название пещеры *Кёнтыр сялтум ас* «Дыра, куда вошел *кёнтыр*» (в переводе информанта «Змей пролез в дыру»), для понимания *кёнтыр* важен и дублет *Кёр вёнтыр сялтум ас* «Дыра, куда зашла железная выдра» (с. 98–99) — здесь имеется в виду также мифическое существо; впрочем, *кёр вёнтыр* ‘железная выдра’ может быть просто переосмыслением непонятого *кёнтыр* в духе народной этимологии. Дело в том, что перм. **gundzr* (> удм. *гондыр* ‘медведь’ ~ коми *гундыр* ‘дракон, змей’) было заимствовано из аланского едва ли ранее середины I тыс. н. э. (ср. осет. *kæf-qwyndar* ‘дракон — хозяин источников воды’, где *kæf* ‘рыба’, а *qwyndar* продолжает арийское **gandharu-* — название класса мифологических существ (ведические *гандхарвы* и под.) в значении ‘дракон, мифическое чудовище’, которое сохранилось в коми языке, в то время как в удмуртском произошло развитие ‘чудовище’ > ‘медведь’ [Напольских, 2008a]. Если во втором из рассматриваемых здесь топонимических случаев *кёнтыр*, осмысляемое как «змей, чудовище», отражает скорее всего нормальное коми (зырянское) значение *гундыр*, то в первом, в названии скалы *Контыр*, сходной формой с медведем, можно видеть реликт того же семантического развития ‘чудовище’ > ‘медведь’. Следовательно, такое развитие, видимо, имело место не только

в доудмуртских, но и в части докоми прапермских диалектов — поскольку возводить мансийский ороним *Контыр* к удмуртскому языку по историко-географическим соображениям вряд ли возможно (см., однако, ниже). Дело в том, что предполагая прапермский (но с тяготением в основном к южному, доудмуртскому диалектному ареалу) возраст этого семантического перехода, я ранее мог подтвердить этот тезис только коми-пермяцким *гундырчача* ‘подснежник’ (< *‘медвежий цветок’?). Что касается личного имени *Кунтыр*, то, во всяком случае в удмуртской традиции, прозвище *Гондыр* весьма распространено, от него образована и фамилия *Гондырев*, которой соответствует, видимо, подобное образование на базе коми формы — *Гундырев*.

Завершая пермскую тему, не могу не отметить серию названий, образованных от прозвища (изначально — фамилии, по указанию информантов) *Воть / Вотя* (с. 141). Соблазнительно было бы увидеть в этом производное от основы рус. *вотьяк* ‘удмурт’. Присутствие на рассматриваемой территории как и на мансийских землях вообще, каких-то единичных удмуртов вполне допустимо, и данное топонимическое свидетельство могло бы в какой-то степени объяснять появление в мансийском пермских заимствований, отражающих скорее не коми, а именно удмуртский источник (прежде всего — манс. *солвал* ‘соль’ при коми *сол* и удм. *сылал*; манс. *Калтась-Эква* — полукалька с пермского теонима, сохранившегося только в удм. *Кылдысин* < **kĩldis in* ‘творящая, определяющая судьбу мать’ [см.: Напольских, 20086]). Однако остается не менее вероятным другое объяснение *Воть / Вотя* — от фамилии *Вотьяков*, которая, хотя и образована от этнонима *вотьяк*, но чаще всего, по моим наблюдениям, принадлежит не удмуртам, а русским (аналогичным образом фамилия *Русских* в Удмуртии встречается, как правило, у удмуртов).

В завершающем книгу очерке обобщаются словообразовательные и семантические модели мансийской топонимической традиции (с. 222–233). Особое внимание автор уделяет отражению в топонимии религиозно-мифологических представлений (с. 234–241). Здесь можно сделать небольшое замечание. Автор считает нужным упомянуть о «фратриальном членении манси *мбсь — нор*» (с. 237), но не делает необходимую оговорку о том, что это фратриальное членение характерно лишь для северных манси и заимствовано в их культуре, так же, как и соответствующие термины, из севернохантыйской традиции (*мбсь* ← хант. каз., сын. *тэс* ~ хант. конд., цин., тром., юг. *тáńт* ~ манс. сев. *тáńśi* и др. ~ венг. *magy(ar)* < праугор. **mańéz* — древнее самоназвание угров). Мансийским группам за пределами северномансийского ареала, не испытывавшим столь значимого хантыйского влияния, деление *мбсь — нор* не известно не только на уровне социальной организации, но даже и в фольклоре. Это обстоятельство имеет очень важное значение для понимания происхождения мансийского народа: в отличие от своих соседей-хантов, манси сохранили старое общеугорское самоназвание как свой эндоэтноним, в то время как в хантыйской традиции это имя обозначало лишь одну «половину» мифических предков хантов в фольклоре восточных и южных групп и фратрию — у северных. Возможно, для специалистов данные замечания кажутся тривиальными, но о них не следует забывать, поскольку, к сожалению, в отечественной этнографической литературе общим местом стало упоминание о «делении обских угров на фратрии Пор и Мось», что, как видим, не соответствует действительности.

В плане отражения в топонимии мифологии и мировоззрения манси можно сделать еще одно любопытное наблюдение. На с. 135 упоминается *Алыпал Квот Нёр бвыл*

сяхл с переводом «Вершина на конце южной стороны (хребта) Квот Нёр». При этом «южная сторона», *алыпал*, — букв. «верхняя сторона». Обычно слово *алы* ‘верхний’ в топонимии означает «находящийся вверх по течению, в верховьях реки». Обозначение севера как «низа, нижней стороны», а юга, соответственно, как «верха» характерно для обско-угорских языков, но это можно объяснять естественно-географическими причинами — тем обстоятельством, что основные реки, в бассейнах которых живут ханты и манси, и которые определяют их географические представления, Обь и Иртыш, текут с юга на север (ср. прямо обратное обозначение севера как «верха» в манс. ср.-лозьв. *älvuot* ‘северный (букв. ‘верхний’) ветер’ [Munkácsi, Kálmán, 31] — поскольку Лозьва течет с севера на юг). Однако в случае с *Алыпал Квот Нёр* *обыл сяхл* река не упомянута, да и на имеющихся в моем распоряжении картах ни одна из рек, текущих в этом районе (Ыджыд-Ляга, Лопсия, Манья, Няйс) не течет с юга на север, а по отношению к верхней части р. Ыджыд-Ляга южные отроги хребта Квот Нёр находятся скорее вниз по течению, а северные — вверх. Поэтому вполне возможно, что здесь мы имеем отражение достаточно архаичной космологической привязки юга к верхнему миру [см. подробнее: Напольских, 1991, 70–88] — независимо от конкретной гидрографической среды.

Важнейшая часть очерка (с. 241–254) посвящена проблемам этнической истории. Опираясь на тщательный анализ материалов, автор обозначает следующие опорные моменты, касающиеся происхождения и ранней истории манси, с которыми можно полностью согласиться.

Прежде всего, манси (во всяком случае — северные манси) не являются древнейшим населением своих земель, на которых присутствует домансийский субстратный топонимический пласт неизвестного происхождения, которому принадлежат, как это обычно и бывает, наименования крупных рек региона: манс. *Ивтел* — рус. Ивдель, *Луссум* — Лозьва, *Полум* — Пелым, *Нягысь* — Няйс и др. (с. 242). Правда, автор, по-видимому, напрасно включает в этот список пары *Пасар* — Вишера, *Пелас* – Велс, *Пёсер* — Печора. В случае с *Пасар* — Вишера перед нами безусловно пермский гидроним — ср. коми название Вишеры, *Висер* — якобы из коми *vis* ‘проток из озера в реку’ и *čer* ‘приток’ [Афанасьев, 1996, 45]; данная этимология, впрочем, не обязательно удачна, я скорее рассматривал бы коми название как позднее переосмысление в духе народной этимологии, а русскую форму, отражающую, скорее всего, наиболее архаичный облик названия, сравнивал бы с распространенным в Удмуртии гидронимом *Вишур*, где удм. *šur* ‘река’ ~ коми *šor* ‘ручей’, а первый компонент может быть связан с основой глагола удм. *vijanĭ* ~ коми *vijavni* ‘течь, сочиться, струиться’ — ср., однако, такое же название притока *Волхова* с возможностью переноса гидронима на восток в русской среде [Фасмер, 1, 325]. Как бы то ни было, относительно фонетического облика и происхождения мансийского названия Вишеры из коми или русского языка все вполне ясно — ср., например, манс. сев., ср.-лозьв., н.-лозьв. *paša* ‘здравствуй(те)! привет!’ ← коми *viža* (*olan*) ‘здоров (будь)’ [Rédei, 1970, 141]. Аналогичным образом более инновационно по отношению к русскому и мансийское название реки Вёлс — *Пелас*, которое также имеет вполне приемлемую пермскую этимологию **velzs* ‘верхушка, верхний’ < **vel* ‘верх’ [КЭСК, 49]: Вёлс действительно является «верхушкой» Вишеры. Что касается названия Печоры, манс. *Пёсер*, то А. К. Матвеев абсолютно прав, не принимая нелепой как в лингвистическом, так и в этноисторическом смысле этимологии от манс. *насяр* ‘рябина’ (с. 247). Добавлю только, что манс. *Пёсер* и коми *Пёчера* фонетически, очевидно, сближаются с др.-рус.

Печера, которое, как и другие названия новгородских «волостей» на северо-востоке (*Пермь, Самоядь, Югра*), служило одновременно и этниконом (отсюда и адаптированная форма окончания, сближающая эти названия с собирательными существительными типа *чернь, молодежь* или *детвора, мошкара*), поэтому не исключено и отэтнонимическое образование этого названия. В связи с этим представляется вполне обоснованной незаслуженно замалчиваемая гипотеза Л. В. Хомич о происхождении названия *Печера* от реально зафиксированного нен. *pē-t'er* «жители гор, ненцы Урала» (букв. «наполнение камня») в связи с упоминаемой в русских источниках *каменной самоядью* — предками ненцев Полярного Урала [Хомич, 1976, 100–101]. Это согласуется и с наблюдением А. К. Матвеева: «на некоторых территориях горной части Северного Урала ненцы были предшественниками манси» (с. 252), — и на юге эти территории начинаются именно с верховьев Печоры (с. 250).

Во-вторых, на территории своего нынешнего расселения манси, безусловно, пришли с юга, будучи в языковом отношении прямыми потомками праугров-коневонов (с. 242–245), и сохранив — добавлю — праугорское самоназвание *māñsi* < **mañéz*. При этом установить южные (южнее Нейвы и Исети) пределы былого проживания предков манси по топонимическим данным не представляется возможным по причине того, что в лесостепной и тем более степной зоне отсутствуют древние субстратные пласты топонимии: по ним «не раз прокатились волны завоевателей-кочевников», «здесь не было ассимиляции, которая является необходимым условием возникновения топонимического субстрата» (с. 243–244). Следует еще иметь в виду, что субстратные домансийские гидронимы, о которых сказано выше, встречаются не только на севере, но и, видимо, на всей мансийской исторической территории. Прекрасный пример тому — название Северной (манс. сев. *tāγ^{it}, Tāgm*), Малой (*Māñ Tāgm*), Южной Сосьвы (*Ось Tāgm*) и Тавды (манс. пел., тавд. *taut*). Праформа **taγət* из мансийского языка внятно не этимологизируется (значение «река» в тавдинском диалекте, безусловно, вторично). Во всяком случае, здесь А. К. Матвеев напрасно идет на уступки «орнитологам»¹, когда соглашается: «считается, что *māgm* — «ветвь», «рукав (реки)» (с. 247). Давно уже было показано, что данная трактовка является результатом народной этимологии, созданной еще первыми коми поселенцами северо-запада Сибири, осмыслившими манс. сев. *tāγt (jā)* «Сосьва» как коми *sos va* «рукав-река»: на самом деле манс. **taγət* «Сосьва; Тавда» и манс. **tājt* (> манс. сев. *tājt*, ср.-лосзьв., н.-лосзьв., пел., конд. *tēt*, тавд. *taít*) «рукав (одежды)» [Munkácsi, Kálmán, 614, 617] — два разных слова [см.: Steinitz, 1980, 282–283].

В-третьих, наконец, путь предков манси на север с угорской прародины, находившейся на крайнем юго-западе Западной Сибири и в лесостепном Зауралье, пролегал восточнее Урала, никаких следов массового мансийского присутствия западнее Урала нет, более того, особенности мансийской топонимии четко указывают на то, что уже западные склоны Урала рассматривались манси как чужая территория (*Саран пāl* «Зырянская сторона») (с. 242, 246–248). Естественно, какие-то топонимические следы, как следствие прежде всего военной активности пелымских вогуличей в западном направлении

¹ Исключительно точный термин, введенный акад. И. М. Стеблиным-Каменским [1998, 16, 28, прим. 19]. В уралоистике, к сожалению, гораздо более актуален, чем в востоковедении — потому и незаменим!

вплоть до Вычегды в XV–XVI вв., могут быть обнаружены, но существование скольконибудь значительного пласта мансийской или угорской (объяснимой из другого угорского языка или из праугорского) топонимии западнее западных склонов Урала и восточных притоков верхней и средней Камы является фикцией [подробнее см.: Матвеев, 1968; 1982; Напольских, 2001; 2008б].

В заключение могу только поздравить коллег-уралистов и топонимистов с еще одной прекрасной книгой, оставленной нам выдающимся ученым и — исходя из своих персональных интересов — выразить надежду, что его ученики и последователи продолжат дело своего учителя и в отношении важнейших в этноисторическом плане территорий бассейна Камы и Вятки, Среднего Поволжья, остающихся, к сожалению, белыми пятнами на историко-топонимической карте Восточной Европы.

Радуется, что книга отлично исполнена в типографском отношении и снабжена фотографиями, где мы видим информантов-манси в уже ушедшей обстановке традиционного оленеводческого быта и участников Топонимической экспедиции, среди которых и наш Александр Константинович.

-
- Афанасьев А. П.* Топонимия Республики Коми : словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.
- КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка : переизд. с доп. Сыктывкар, 1999.
- Матвеев А. К.* О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Учен. зап. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1968. № 191 : Тр. Камской археологической экспедиции. Вып. 4. С. 136–146.
- Матвеев А. К., Глинских Г. В.* Материалы по мансийской топонимике. I // Вопр. ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10. С. 5–67.
- Матвеев А. К.* К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 49–58.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001 ; Ч. 2. Екатеринбург, 2004 ; Ч. 3. Екатеринбург, 2007.
- Напольских В. В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М., 1991. (Материалы к серии «Народы СССР». Вып. 5 : Народы уральской языковой семьи).
- Напольских В. В.* «Угро-самодийцы» в Восточной Европе // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. № 1 (5). С. 113–126.
- Напольских В. В.* Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии // Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies. Владикавказ ; Paris, 2008a. Vol. 5, № 1–2. P. 43–63.
- Напольских В. В.* Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопр. археологии Урала. Екатеринбург ; Сургут, 2008б. Вып. 25. С. 14–25.
- Стеблин-Каменский И. М.* Александр Леонович Грюнберг-Цветинович (1 марта 1930 — 3 марта 1996) // Страны и народы Востока. Вып. 30 : Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб., 1998. С. 5–29.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер., доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.
- Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Ленинград, 1976.

- Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.
Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.
Steinitz W. Zur Toponymik des nördlichen Obgebietes // *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. Budapest, 1980.
VNGy — Vogul népköltési gyűjtemény. Köz. Munkácsi Bernát. Köt. 1–4. Budapest, 1892–1921.

В. В. Напольских
Удмуртский государственный
университет (Ижевск)
napolskikh@gmail.com

Рукопись поступила в редакцию 27.03.2012 г.

Майорова Т. В. Топонимические предания в «Приходах и церквях Тульской епархии» (1895). — Тула : Тул. гос. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2010. — 120 с.

Исследование Т. В. Майоровой основано на уникальном историческом источнике — «Приходы и церкви Тульской епархии». В этой книге, никогда не переиздававшейся, содержатся данные о природных особенностях, населении, географическом положении около 800 приходов и церквей Тульской губернии на 1895 г. Также в книге представлены названия населенных пунктов Тульского края, многие из которых на сегодняшний день уже утрачены. По словам Т. В. Майоровой, это последний полный список поселений перед революционными событиями, изменившими топонимическую систему региона. Каждое название было сверено автором с другими источниками XIX в., а также сопоставлено с современными данными, что позволило не только получить сведения о сохранности топонима, но и выявить его исторические варианты: *Никольское-Жупань* (сохранилось в форме *Николо-Жупань*), *Полуэхтово* (сохранилось в форме *Полуэктово*).

Для лингвистов книга особенно привлекательна тем, что составители «Приходов...» (учителя приходских школ и училищ, священники) пытаются объяснить происхождение географических названий. В основном эти пояснения записывались со слов местного населения, некоторые из них извлекались из клировых ведомостей, хранившихся при церквях. Часто приходится встречаться со словами «сведений о происхождении названия нет». Тем не менее перед нами народные объяснения более 230 топонимов.

Т. В. Майорова любое объяснение названия в источнике считает топонимическим преданием. Это широкое понимание топонимического предания расходится с общепринятой точкой зрения, согласно которой объяснения географических названий в связи с природно-географическими и бытовыми особенностями не являются фольклорными произведениями (преданиями). Однако такой подход автора к трактовке топонимических преданий понятен, он объясняется желанием донести до современного читателя все комментарии, касающиеся происхождения названия. Тем более что многие «природно-географические» пояснения содержат истинные мотивации названий:

Белоколодезь. Занимаемая селом местность богата водными источниками, колодезьями, разбросанными по склонам двух противоположных холмов, которые, в свою очередь, избилуют белым камнем.